

Кризис либеральной правовой культуры России после 1905 года: «педагогика свобод» и юридическое просвещение**

Массовая политическая литература зарождается в России во время революции 1905 года. Личные свободы и их закрепление в законодательстве были одной из важнейших ее тем. Посвященные им брошюры представляли собой своего рода педагогику свобод. Такая педагогика свидетельствует о жизнеспособности либеральной правовой культуры того времени, которая была сосредоточена на вопросах об универсальной ценности личных прав и верховенстве права. В 1917 году она была использована повторно почти без изменений, но уступила место другим дискурсам, имеющим более четкую направленность, утратив свою универсальную позицию. Разрыв между двумя литературами, произошедший в 1917 году, обусловлен проблемой, с которой либеральная правовая культура столкнулась после Революции 1905 года. Так, между педагогикой свобод, с одной стороны, и законодательством, с другой стороны, обнаружилось противоречие. Оно подчеркивается Б. Кистяковским, написавшим статью для сборника «Вехи» 1909 года, хотя он и не был готов признать существование напряжения внутри либерального педагогического проекта. Б. Кистяковский предложил укрепить этот проект за счет усиления влияния в обществе профессиональных юристов. Однако предложенное им решение столкнулось со многими препятствиями, и метод популяризации – на тот момент наиболее типичный способ удовлетворения потребности российской элиты в правовой культуре – был почти полностью отброшен либералами. Тогда становится понятно, почему педагогика свобод в 1917 году стала всего лишь бесплодным повторением устаревшего дискурса.

Ключевые слова: правовая культура; правовое сознание; популярная литература; либерализм; свободы; политическая партия; брошюра; революция.

Революция 1905 года в России – генеральная репетиция 1917 года? Это мнение процветало во времена Советского Союза, но с тех пор историки отказались от такой оценки¹. Однако нет необходимости отбрасывать мотив репетиции, если допустить изменение перспективы, освободиться от телеологии революции и, таким образом, рассмотреть 1917 год до октября. Тогда в некоторых отношениях 1917 год, скорее, повторяет, воспроизводит, воссоздает 1905 год. Пример такого заикания после февраля 1917 года в свете опыта 1905–1906 гг. можно найти в дискурсе «свобод» и либеральных институциональных реформ. Сопоставление мест, занимаемых им в двух эпизодах – 1905 и 1917 гг., – наводит на мысли о том явлении, которое мы определим как «либеральная правовая культура» России применительно к каждому из этих двух моментов, но также и к периоду между ними.

1905–1906 гг. стали для России временем выдающихся политических инноваций в мобилизационных лозунгах и принятых методах протеста. В контексте происходившего тогда освобождения слова, которое отчетливо видно благодаря активному развитию периодической печати, изданию листовок, книг и брошюр,

* Мишель Тисье, специалист по современной истории, доцент Университета Ренн-2 (Франция).

** Tissier M. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: «pédagogie des libertés» et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. – 2007. – Vol. 48, No 2-3. – P. 185–208. Перевод подготовлен с любезного согласия журнала «Cahiers du Monde russe», а также при финансовой поддержке, предоставленной в 2019 г. университетом Ренн-2 и лабораторией TEMPORA EA 7468.

Перевод с французского языка канд. юрид. наук, докторанта Университета Бордо В. А. Токарева (e-mail: basiletok@gmail.com).

¹ См.: Coquin F.-X. 1905: la révolution russe manquée. – Bruxelles : Complexe, 1985. – P. 6–7.

в России впервые появилась настоящая массовая политическая литература². Ее развитие обнаруживает у большинства авторов две взаимодополняющие и практически неотделимые друг от друга цели. С одной стороны, это пропаганда определенного политического течения, а с другой стороны – просвещение предполагаемых читателей или тех, кто мог прочесть подобные тексты. Как правило, именно «народ» был адресатом этой литературы, даже если использование авторами определенных средств обуславливает постановку проблемы адекватности потенциальной аудитории их представления о народе. Итак, эта литература выполняет функцию своего рода колоссального урока политического воспитания, начатого в 1905 году и набравшего обороты на волне избирательной кампании в первую Думу и нескольких месяцев существования данного собрания в 1906 году (тогда как в 1907-м публикаций становится значительно меньше). Впрочем, в такой массе публикаций литература о «свободах» не была исключительной прерогативой ни формировавшихся тогда конституционалистских политических партий, прежде всего кадетов и октябристов, ни близких к ним авторов и издателей. Напротив, тема свобод объединяла разных революционеров социалистического толка со сторонниками конституционалистских и либеральных концепций в их противостоянии режиму³. И те и другие столкнулись с общей трудностью. Они должны были разъяснить и объяснить населению – своим потенциальным читателям и избирателям – понятия «свобод», которые считались правовыми концептами, основанными на специальных знаниях и связанными с зарубежным опытом. Их статус оставался неоднозначным или противоречивым. Рассуждали о «гражданских» или «индивидуальных» свободах, но некоторые также считали их «политическими»⁴. Классическое французское выражение «публичные свободы» («*libertés publiques*») достаточно хорошо отражает их сохраняющуюся двусмысленность: свободы, признаваемые и гарантируемые для каждого и обеспечивающие участие в политической жизни настолько, насколько это возможно. Во всяком случае, дискурс свобод накладывался на местный лексикон, тесно связанный с понятием «свобода». Отсюда вытекали направленные на популяризацию среди населения России правовых концепций свобод многочисленные инициативы, которые можно назвать педагогикой свобод. Вовлеченные в нее авторы рассматривали данную тему практически одинаково и со схожими намерениями, независимо от их политических предпочтений.

В 1917 году подобные публикации появляются снова. Иногда речь шла о переиздании брошюр, увидевших свет еще в 1905–1906 гг. Издавались и абсолютно новые, однако их содержание мало отличалось от более ранних брошюр. Как же, таким образом, объяснить, что 1917-й повторяет 1905-й? Самый простой ответ заключается в том, что этот год является следствием обещаний, данных императорским режимом в отношении свобод в 1905 году и не выполненных им. Поскольку в 1917 году представления российских подданных о свободах оставались весьма смутными, пришлось снова взяться за дело. Ни провозглашение свобод, ни даже перевод такого декларативного акта на юридический язык, чтобы гарантировать осуществление этих свобод, не делали, с точки зрения их адептов, подобную просветительскую работу бесполезной. Наоборот, именно после того, как царь упомянул о свободах в Манифесте от 17 октября 1905 года, брошюры, по-

² Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив // Современный мир. – 1909. – № 12. – II. – С. 1–25, особенно с. 8 ; Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. – Princeton : Princeton University Press, 1985. – P. 345–346.

³ Этот аспект подробно рассматривается в следующей работе: Edmondson L. Was There a Movement for Civil Rights in Russia in 1905? // Crisp O., Edmondson L. (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 263–285.

⁴ Ibid. P. 276.

священные свободам, стали издаваться десятками. В 1917 году программа и первые декларации Временного правительства придавали большое значение «конституционным свободам»⁵. Его первые меры были направлены на упразднение царских репрессивных органов и провозглашение положений, устанавливающих режим свободы печати, союзов, свободы совести, вплоть до созыва Учредительного собрания⁶. Именно тогда начала возрождаться литература о свободах (и это не случайно, поскольку была отменена цензура).

Учет всех различных брошюр, посвященных свободам и изданных в 1905–1906 гг., с одной стороны, и в 1917 году, с другой, – непростая задача. Только в середине 1917 года появился вестник «Книжная летопись» Главного управления по делам печати, где еженедельно публиковался список новых непериодических печатных изданий. Этот источник полезен для составления систематического и вполне достоверного перечня брошюр, изданных в 1917 году, но только до августа⁷. Эквивалента для 1905–1906 гг. не существует. Поэтому следует обратиться к другим источникам, которые трудно охватить целиком. Сборники, составленные в то время с целью «рекомендовать» читателям брошюры для чтения по той или иной теме, в частности о свободах и институциональных вопросах, содержат ценные, но очевидно неполные сведения⁸. Остается поиск в библиотечных каталогах при наличии надлежащих регистрационных записей или специализированных коллекций. Такую возможность предоставляет Библиотека современной международной документации в Нантере⁹. Начиная с межвоенного периода, в ней собираются многочисленные пропагандистские брошюры, изданные в 1905–1906 и 1917 гг., в частности по вопросу о «публичных свободах»¹⁰. При этом следует учитывать, что данный вопрос также рассматривается в брошюрах с более широким правовым или политическим содержанием.

⁵ Первая декларация Временного правительства от 6 марта 1917 г. Цит. по: Ferro M. *La révolution de 1917*. – P. : Albin Michel, 1997. – P. 925–927.

⁶ White H. J. *Civil Rights and the Provisional Government* // Crisp O., Edmondson L. (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 300–302.

⁷ Книжная летопись. – 1917. – № 42–44. – С. 1–2.

⁸ В отношении 1905–1906 гг. см., например: Указатель общедоступных книг по общественно-политическим вопросам. – Вып. 1. – СПб. : (Литературная комиссия при Всероссийском союзе учителей и деятелей по народному образованию), 1906 ; Обзор литературы по избирательному праву. – Вып. 1. – Ростов н/Д : Изд. А. Сура (Склад при книгоиздательстве «Донская речь» в Ростове-на-Дону), 1906 ; Что читать? – Вып. I : Литература по правовому вопросу. – СПб. : Издание Товарищеского книгоиздательства, 1907. В отношении 1917 года см., например: Указатель рекомендуемой литературы по вопросам социально-политическим. – М. : Общество младших преподавателей Московского университета, 1917 ; по вопросу о брошюрах, содержащих библиографические рекомендации и изданных прямо или косвенно политическими партиями в 1917 году, см.: Базанов П. Н. Что читать гражданину свободной России: из истории рекомендательной библиографии политических партий России 1917 г. // Библиография. – 1995. – № 4. – С. 99–106.

⁹ После публикации настоящей статьи эта библиотека сменила название, и с 2018 года она называется «La contemporaine. Bibliothèque, archives, musée des mondes contemporains» (или просто «La Contemporaine»). Подробную информацию о ней, в том числе о ее интересной истории, можно найти на официальном сайте: <http://www.lacontemporaine.fr/>. – *Прим. авт.*

¹⁰ Эволюция «общественного сознания» входила в число приоритетных объектов исследования бывших Военных музея и библиотеки. О брошюрах, изданных во время революции 1917 года и собранных библиотекой, см.: Dumesnil A., Lerat W. (éd.). *Catalogue des Bibliothèque et Musée de la guerre: catalogue méthodique du fonds russe de la bibliothèque / introd. par C. Bloch*. – P. : A. Costes, 1932. – P. VII–VIII, 174 и след. Кроме того, в 1933 году библиотека пополнилась фондом документов и книг, собранных меценатом начала века князем Бебутовым. Этот князь грузинского происхождения коллекционировал материальные свидетельства деятельности русских революционных кругов того времени. Значительная часть брошюр, датированных 1905–1906 гг. и хранящихся в Библиотеке современной международной документации, г. Нантер (BDIC), – из его коллекции. Об этом фонде см.: Goriounov A., Houzel R. *Fonds Bebutov (F DELTA res 811): inventaire*. – Nanterre : BDIC, 2002. – P. 1.

По всей видимости, ситуация, сложившаяся в 1917 году, должна была обеспечить литературе о свободах не меньший резонанс, чем в 1905–1906 гг. Временное правительство оказалось намного более склонным к содействию этому, чем имперское правительство одиннадцать лет назад. Мы покажем, что если такой резонанс имел место, то он был еще неопределеннее, чем в 1905–1906 гг. Посредством дискурса свобод – но не «свободы» – либеральная правовая культура наиболее ярко пропагандировалась в русской истории не в 1917-м, а в 1905–1906 гг. По нашему мнению, именно сомнения относительно целей «либеральной правовой культуры» и способов ее продвижения после 1906 года привели к тому, что она утратила свой блеск. Ее сторонники в юридических кругах вряд ли могли вернуть ей былое величие. Мы убедимся в этом, изучив их взгляды на просвещение населения России в духе уважения свобод, приверженцами которых они были.

«Педагогика свобод»: когда 1917-й повторяет 1905-й...

В чем конкретно состояли эти свободы? Для их обозначения в 1905 году использовалось несколько выражений. Императорский Манифест от 17 октября предписывал правительству «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы», разъясняя содержание данного положения путем следующего перечисления: «неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов». Выражение «гражданские права», наиболее часто употреблявшееся в 1905–1906 гг., в целом соответствовало этому списку, но не ограничивалось им. Так, свобода печати тоже прямо называлась большинством авторов. Кроме того, неприкосновенность жилища и тайна переписки дополняли неприкосновенность личности. Наконец, как следствие перечисленных свобод, обычно рассматривалось равенство всех перед законом. Вокруг этого ядра авторами выстраивались разнообразные модели: одни настаивали на свободе передвижения, другие – на свободе вступать в профсоюзы или проводить забастовки. При этом все обсуждаемые тогда свободы были «формальными», т. е. гарантировались преимущественно юридическими процедурами. Они не включали в себя экономических и социальных прав в форме «прав-требований» («*droits-créances*»). Поэтому в 1905–1906 гг., когда один социал-демократический автор писал о свободах, ссылаясь на защиту интересов пролетариата, он настаивал на необходимости реального обеспечения рабочим возможности пользоваться теми же правами, что и другие социальные классы¹¹.

Так же широко использовалось другое общее выражение – «права человека и гражданина». Однако его применение не носит систематического характера. Что же касается случаев его использования, то следует проявлять осторожность, устанавливая подлинный смысл обозначаемых им явлений. По сути, ядро свобод, отстаиваемых и пропагандируемых в России в 1905–1906 гг., только отчасти соответствует содержанию «прав человека и гражданина», провозглашенных в 1789 году или, иным образом, в 1793 году. Носящее весьма общий характер перечисление во французских декларациях «естественных и неотчуждаемых прав» – свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению (1789), или равенства, свободы, безопасности и собственности (1793) – не нашло отражения ни в требованиях противников царизма, ни в педагогике свобод. Вопреки представлениям, полностью основанным на наивном пустословии о правах человека 1905 года, внимание педагогов свобод привлекало не декларативное значение свобод, а необходимость их выражения в позитивном праве и создания

¹¹ Балабанов М. Личная свобода (Неприкосновенность личности, жилища, частной переписки и свобода передвижения). – 2-е изд. – СПб. : Новый Мир, 1906. – С. 35–47 (глава «Личная свобода и пролетариат»).

для этого юридических гарантий¹². С этой точки зрения, педагоги свобод в России 1905 года дистанцировались от французских революционных преобразований. Во Франции после 1789 года потребовалось более века политической борьбы и правовых разработок, чтобы закрепить основные свободы в позитивном праве. Иногда это делалось даже вопреки принципам, провозглашенным революцией. Англия или Соединенные Штаты Америки гарантировали осуществление свободы союзов ранее, чем французский республиканский режим. Поэтому за выражением «права человека и гражданина» в брошюрах 1905–1906 гг. на самом деле стояли менее определенная история и более разнообразные референции, чем позволяет думать аллюзия на французскую революцию.

Отсылка к «правам человека и гражданина» в некоторых брошюрах поднимает еще одну проблему. Посредством упоминания гражданина в этом французском выражении ставился вопрос о политическом участии индивида. Однако не все авторы рассматривали данную проблему в том же ключе, что и вопрос о свободах и способах обеспечения их соблюдения. Конечно, для всех авторов разъяснение содержания свобод имело однозначно политическое измерение, которое ясно проявилось в неприятии самодержавия. Кроме того, вопрос о свободах также часто освещался в брошюрах, посвященных более широким институциональным вопросам, таким как проблема народного представительства, избирательное право, форма правления, необходимость принятия конституции или выбор ее определенного типа¹³. Однако когда авторы рассуждали на эти темы, они реже соглашались друг с другом, что вполне соответствовало разногласиям между политическими силами России в 1905 году, например, по вопросу о всеобщем избирательном праве. Таким образом, ссылаясь на «права человека и гражданина» предполагала у авторов, которые ее использовали, более четкое представление об институтах, где подчеркивалась неразрывность «гражданских прав» и «политических прав». Но внутри данного дискурса вопрос о свободах рассматривался не вполне оригинально. Независимо от названия, в брошюрах, как правило, применялся исключительно аналитический подход к каждой исследуемой свободе, в соответствии с которым разъяснялось, решению какой проблемы она должна служить, зачем она нужна российским подданным и как гарантировать ее осуществление на практике с помощью одного легитимного инструмента – права. Поэтому референции к истории права и юридической практике, как за рубежом, так и в России, действительно составляли общее основание, на которое опиралась педагогика свобод¹⁴. Если в 1905–1906 гг. не появилось организованного движения в пользу свобод¹⁴, то возникли мода на «педагогику свобод» и соответствующий книжный рынок.

Это наблюдение приводит к утверждению о жизнеспособности в 1905–1906 гг. либеральной концепции правовой культуры; тем не менее, по мнению некоторых, например марксистов, такая ситуация свидетельствовала о неминуемом переходе общества к социализму. Используя здесь термин «правовая культура», мы придерживаемся интеллектуалистического подхода к понятию культуры, наиболее классического во французском языке, хотя он не преобладает в современном использовании этого понятия общественными науками¹⁵. В таком случае термин «правовая культура» относится к области знаний, обозначая все сведения и мне-

¹² Позиция, соответствующая взглядам многих философов и юристов Западной Европы XIX века. См.: Worms F. (ed.). *Droits de l'homme et philosophie: une anthologie (1789–1914)*. – P. : Presses pocket, 1993. – P. 31–35.

¹³ Точно так же вопрос о свободах стоял на первом месте в программах большинства нетрадиционалистских политических партий рассматриваемого периода. См. антологию: *Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век* / под ред. А. Н. Аринина, С. И. Семенова, В. В. Шелухаева. – М. : РОССПЭН, 2002.

¹⁴ Edmondson L. Op. cit. P. 281–285.

¹⁵ См.: Cuche D. *La notion de culture dans les sciences sociales*. – P. : La Découverte, 2004, *passim*.

ния о праве (эти знания противоречивы и постоянно корректируются), которые находятся в обращении на данный момент¹⁶. Правовая культура не является «правом». Но она также отличается от практик применения права, поскольку они могут быть реконструированы, даже если предполагают обращение с определенной правовой культурой, меняющейся от одного индивида к другому¹⁷.

Однако такое определение правовой культуры не делает ее подгруппой единственной культуры ученых или «профессиональных юристов». На самом деле все сведения и мнения должны приниматься во внимание, как только они относятся к праву, административным и юрисдикционным институтам, но независимо от статуса или происхождения тех, кто их производит, распространяет или получает. Поэтому под «либеральной правовой культурой» применительно к России начала XX века следует понимать концепцию права, в которой основное место отводилось правам личности, вытекающим из общего принципа свободы и признанным в качестве свобод, гарантированных и регулируемых общим правом; равенству всех перед законом – как в плане обязанностей, так и в плане прав, – и юридической ответственности тех, кто должен был обеспечивать соблюдение закона. Либеральная правовая культура противопоставлялась правовой культуре, официально пропагандировавшейся в Империи до 1905 года и даже после. Конечно, присутствовали элементы «либерализации» официальной правовой культуры, особенно с 1905 года. Эти уступки были очень заметны в различных областях: например, они предоставляли новые возможности для перехода из православия в иную конфессию или устанавливали новый режим создания общественных организаций¹⁸. Тем не менее подобные меры либо оказывались весьма ограниченными, либо быстро уравнивались новыми ограничениями. Пожалуй, большее значение имели многочисленные споры среди представителей имперской администрации о том, как реформировать официальную правовую культуру¹⁹, которая все-таки не стала либеральной правовой культурой.

Что же происходит в 1917 году с темой свобод и, в более общем плане, либеральной правовой культурой? Февральская революция открывает новый этап развития педагогики свобод. Как и в 1905–1906 гг., издаются десятки брошюр, посвященных свободам и шире – институциональным вопросам²⁰. Педагогику свобод можно было увидеть и на страницах периодических изданий²¹. Представленный в них подход к рассмотрению вопроса о свободах отличается от широко распространенного использования темы «свободы» в 1917 году²². Авторы

¹⁶ Такое ограничение использования понятия культуры не означает, что мы придерживаемся «идей» в ущерб практике. Анализируя процессы формирования, расширения и распространения правовой культуры, следует также изучать индивидуальные и коллективные действия и поведение. Однако этот подход соответствует ограниченному определению правовой культуры как интеллектуального объекта.

¹⁷ Итак, предложенное здесь определение отличается от более широкого определения, представленного в работе: Burbank J. *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 2004.

¹⁸ См.: Туманова А. С. *Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы*. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002.

¹⁹ О проблеме создания административной юстиции см.: Правилова Е. А. *Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 года)*. – СПб. : СЗАГС : Образование–Культура, 2000.

²⁰ Крайне сложно определить их тиражи – возможны лишь некоторые точечные оценки.

²¹ Для получения общего представления по данному вопросу см.: Kolonitskii B. I. *The Press and the Revolution* // Acton E., Cherniaev V. Iu., Rosenberg W. G. (ed.). *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. – Bloomington (Ind.) : Indiana University Press, 1997. – P. 381–384.

²² О «культе борца за свободу» см.: Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. – New Haven : Yale University Press, 1999. – P. 74–75. Английское выражение «the cult of the freedom fighter», которое я перевел на французский язык как «le culte

стремились определить правовые понятия, прояснить их происхождение и сферу действия, обосновать их важность для новой России в перспективе обновления права, с одной стороны, и реформирования политических институтов – с другой стороны.

Преемственность между такой педагогикой свобод и той, которая развивалась в 1905–1906 гг., очевидна. Некоторые авторы, публиковавшиеся во время «первой революции», возобновили свою деятельность. Написанные и изданные ранее брошюры переиздаются, возможно, с незначительными изменениями. Например, Николай Петрович Дружинин, публицист, юрист, популяризатор позитивного права до 1905 года, издал в 1906 году несколько брошюр, которые посвящены институциональным вопросам. Одну из них, озаглавленную «Права человека и гражданина», переиздали без изменений в 1917 году²³. Вторая книга – «Крестьяне-граждане», впервые опубликованная в 1906 году и предназначенная, прежде всего, для крестьян, – снова вышла в свет в 1917 году с некоторыми изменениями²⁴. Еще один плодовитый автор, Павел Григорьевич Мижув, специалист в сфере образования и воспитания, ориентировался обычно на более образованную аудиторию. Его брошюра «Права человека и гражданина» выдержала два издания: первое – в 1906 году, второе – в 1917-м²⁵.

С другой стороны, авторы, публиковавшиеся уже в 1905–1906 гг., также выпускали в 1917 году не опубликованные ранее брошюры. 8 мая 1917 года тот же Мижув заключил договор лично с крупным московским издателем Сытиным на публикацию и распространение написанных им тринадцати брошюр, политическое и историческое содержание которых якобы было «общедоступным». В 1917 году он не предложил Сытину свою брошюру, непосредственно посвященную свободам и переизданную в другом месте. Однако ряд названий брошюр, включенных в договор, имел отношение к институциональным вопросам, которые рассматривались на примере таких зарубежных стран, как США («Зарождение первой великой демократической республики»), Швейцария («Демократическая Конфедеративная республика в Швейцарии»), или таких частных тем, как избирательное право («Основные принципы избирательного права», «Избирательное право в федеративных государствах Европы, Америки и Австралии», «Избирательные системы в странах всеобщей подачи голосов»). Договором предусматривался для каждой из брошюр первый тираж в пятнадцать тысяч экземпляров, а также определялись условия возможных переизданий²⁶. Мижув оказался не единственным ветераном педагогики свобод 1905 года, вернувшимся в строй в

du combattant de la liberté» («культ борца за свободу»), взято из книги Орландо Фигеса и Бориса Колоницкого. – *Прим. авт.*

²³ Дружинин Н. П. Права человека и гражданина (из книги «Избиратели и народные представители»). – М. : Издание Д. И. Тихомирова, 1906. – 32 с. (Цена 10 копеек.) Второе издание с тем же названием и стоимостью 25 копеек было опубликовано в Москве в 1917 году Е. Н. Тихомировой, вдовой педагога и издателя журналов «Юная Россия» и «Педагогический листок» Дмитрия Ивановича Тихомирова.

²⁴ Дружинин Н. П. Крестьяне-граждане: народное чтение. – М. : Издание Д. И. Тихомирова, 1906. – 64 с. Цена на эту брошюру непривычного для потенциальной аудитории объема была заявлена достаточно высокая – 20 копеек, но известность в педагогических кругах ее издателя и автора позволяла им надеяться на то, что брошюру приобретут народные библиотеки или другие общественные структуры. Она была переиздана в 1917 году в Москве с новым подзаголовком и не публиковавшимся ранее введением. Тема свобод поднимается в этой брошюре на с. 32–40 (первое издание, 1906).

²⁵ Мижув П. Г. Права человека и гражданина. – СПб. : Всеобщая библиотека Г. Ф. Львовича, 1906. – 115 с. (Цена 25 копеек) ; *Его же*. Права человека и гражданина. – Петроград : М. А. Ясный (Библиотека «Свобода»), 1917. – 63 с. (Без указания цены.)

²⁶ Музей-квартира И. Д. Сытина, 1. Коллекции архивных материалов выставочного центра «У книгоиздателя И. Д. Сытина». Д. 53. Л. 1.

1917 году. Так же было и с Ольгой Акимовной Волькенштейн, близкой к социалистам-революционерам активной участницей борьбы за эмансипацию женщин. Несколько ее брошюр о свободах опубликованы издательством «Донская речь» в 1906 г.²⁷ В 1917 году Волькенштейн возобновляет свою плодотворную деятельность²⁸. Кроме авторов, уже публиковавшихся в 1905–1906 гг., на эту тему пишут свои работы многие новые публицисты.

Количество изданных в каждом из двух революционных периодов брошюр о свободах исчисляется десятками. Кроме того, к ним относятся работы, посвященные в более общем плане институциональным вопросам, где часто обсуждается и вопрос о свободах. Конечно, во всей политической литературе эта тема была менее актуальной, чем аграрный или национальный вопросы: такая второстепенная позиция является общим элементом обоих революционных периодов. Как в 1917-м, так и в 1905 году авторы были представителями различных профессий и политических направлений. Но их разъяснения и ссылки оставались весьма однородными. Например, общей была ссылка на английский опыт, в том числе в брошюрах под названием «Права человека и гражданина». Что касается соблюдения свобод, то здесь образцами служили не только история, но и современная практика Англии. Это утверждение справедливо для всех авторов, независимо от того, какой политической партии они отдавали предпочтения: кадетам, социалистам-революционерам или социал-демократам – меньшевикам²⁹. По большому счету, брошюры, изданные в 1905–1906 гг. и в 1917 году, незначительно различаются по своему содержанию.

Но если 1917 год повторяет 1905-й, и по поводу основополагающих элементов либеральной правовой культуры между авторами существует достаточно широкий консенсус, то масштаб педагогики свобод в 1917 году, конечно, отличается от 1905–1906 гг. «Рецепция» этой педагогики представляет собой деликатную проблему, рассмотрение которой выходит за рамки нашей статьи. Брошюры представляют собой самый осязаемый след, оставленный этой педагогикой. Сложно определить, в каком объеме и как они читались; тем не менее они свидетельствуют об общем дискурсе, заметном также и в прессе. Однако это не означает, что подобной формы педагогики оказалось достаточно для того, чтобы вызвать интерес к рассматриваемой теме – он мог возникнуть ранее и распространяться по разнообразным каналам. Несомненно, такая форма педагогики способствовала поддержанию этого интереса, скорее всего, с риском его опознать. Впрочем, можно сделать простой вывод, не затрагивая вопрос об условиях и конкретных последствиях распространения педагогики свобод. Место, отводимое теме свобод во многих предложениях и петициях, с которыми выступали крестьянские общи-

²⁷ Волькенштейн О. А. Для чего нужна свобода слова и собраний-сходок. – Ростов н/Д : Донская речь, 1906. – 8 с. ; *Ее же*. Почему у нас требуют неприкосновенности личности и жилища. – Ростов н/Д : Донская речь, 1906. – 8 с. ; и другие брошюры, посвященные истории либеральных и демократических завоеваний в Англии и США, а также Французской революции. Об издателе см.: Травушкин Н. С. Издательство «Донская речь» // Книга. Исследования и материалы. – Вып. 21. – М., 1970. – С. 106–123.

²⁸ Она снова издает много брошюр – под своим именем или под псевдонимом «Ольгович» – о Швейцарии, выборах в Англии, всеобщем избирательном праве и т. д. Непосредственно свободам посвящены, по крайней мере, две новые брошюры: Неприкосновенность личности и жилища. – Пг.: Освобожденная Россия (типография И. Лурье), 1917. – 15 с. ; Права человека и гражданина. – Пг. : Изд-во «Книга», 1917. – 16 с.

²⁹ Примером систематического использования авторами-меньшевиками в 1917 году английской модели служит следующая брошюра: Алексеев И. Какие свободы нужны гражданам. – М. : Социал-демократическое изд-во «Дело», 1917 (Серия «Библиотека социал-демократа»). – 16 с. (Цена 12 копеек.) Большевиком эта тема мало интересовала, за исключением более узких аспектов, таких как вопрос о свободе совести.

ны или рабочие коллективы, меняется от революции к революции³⁰. В 1905–1906 гг. оно было весьма заметным. В 1917 году ей отводится значительно меньше места, несмотря на то что институциональные вопросы остаются актуальными в претензиях населения того времени благодаря требованиям всеобщего избирательного права, децентрализации или учреждения «демократической республики», а также в перспективе созыва Учредительного собрания. Но в 1917 году эти разные темы – даже определение «всеобщего» избирательного права – вызывали неизмеримо больше различий в толковании, чем тема «свобод», определение и сфера применения которых представлялись сравнительно стабильными и прочно основанными на правовом опыте Великобритании, США или Франции³¹.

Отсюда возникает проблема взаимосвязи между педагогикой свобод как элементом продвижения либеральной правовой культуры и «языком революции» в целом, по выражению историков Орландо Фигеса и Бориса Ивановича Колоницкого³². Однако этот язык был весьма неопределенным. Полисемический характер слова «демократия» является наиболее ярким тому подтверждением. Б. Колоницкий показал самые разные контексты, в которых оно использовалось в революционной России 1917 года. Не ограничиваясь обозначением только одного типа политического режима – и даже в таком случае сохраняется неопределенность, – слово «демократия» очень часто применялось к конкретной части населения, низшим социальным слоям, или политическому лагерю³³. Эти коннотации слова «демократия», особенно в лексиконе социалистов-революционеров и социал-демократов, вступали в противоречие с интерпретациями, соответствующими либеральной правовой культуре, которая распространялась посредством использования данного слова, предполагая утверждение всеобщих прав. По мнению Марка Д. Штейнберга, интерпретация случаев употребления в 1917 году слова «свобода» в единственном числе может в целом следовать той же схеме³⁴. Итак, наряду с педагогикой свобод, осуществляемой в России 1917 года в универсалистской перспективе, «язык революции» включал в себя сильный специфический компонент, который акцентировал внимание на границах и антагонизмах между социальными классами. Таким образом, возникала конкуренция, чаще всего имплицитная, между двумя языками прав и свобод. Поэтому та ситуация, в которой оказалась либеральная правовая культура в 1917 году, выглядит парадоксальной. Основные ориентиры этой культуры – индивидуальные свободы, за исключением права собст-

³⁰ Для сравнения – см., с одной стороны, документы, вошедшие в сборник: Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. – М.: УРСС, 2000; *Ее же*. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг.: по материалам центральных губерний. – М.: ИРИ РАН, 1994. – Т. 2. – С. 287–298; с другой стороны, главу, посвященную «наказам русской революции: рабочие, крестьяне, солдаты», в книге Ferro M. *La révolution de 1917*. – P.: Albin Michel, 1997. – P. 170–203.

³¹ Несмотря на то что Декларация прав человека и гражданина часто цитируется, в качестве примера редко приводится правовая ситуация в сфере свобод, сложившаяся в республиканской Франции. Даже будучи «республикой», Франция часто вынуждена конкурировать с другими моделями, которые считаются весьма привлекательными благодаря своему федеративному или конфедеративному характеру: США, Швейцарией.

³² Figes O., Kolonitskii B. *Op. cit.*; см. также: Steinberg M. D. *Voices of Revolution, 1917*. – New Haven: Yale University Press, 2001. – P. 1–35.

³³ См.: Kolonitskii B. «Democracy» in the Political Consciousness of the February Revolution [1-е изд.: 1998] // Wade R. A. (ed.). *Revolutionary Russia: New Approaches*. – NY: Routledge, 2004. – P. 75–89; Колоницкий Б. И. Язык демократии: проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ / отв. ред. Н. Е. Копосов. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2006. – С. 152–189.

³⁴ Steinberg M. *Op. cit.* P. 8–14. См. также: White H. J. *Op. cit.* P. 288–294.

венности³⁵, – в рамках педагогики свобод пропагандировались довольно однообразно. Однако по всем другим институциональным вопросам позиции авторов расходились настолько, что это неизбежно сказывалось на концепциях свобод. Тем самым «релятивизировался» предполагаемый универсализм свобод вплоть до его отрицания. Именно в этом смысле педагогика свобод 1917 года устарела по сравнению с 1905–1906 гг.

С одной стороны, повторение педагогики свобод в 1917 году свидетельствует о том, что либеральная правовая культура была более распространена среди образованных, вдохновленных прогрессизмом членов российского общества, чем обычно признается. С другой стороны, вступив в противоречие с развивавшимся классовым партикуляризмом, педагогика свобод оказалась в сложном положении. В 1905–1906 гг. она способствовала широкому распространению представлений об индивидуальных свободах. Трудно сказать, какой именно размах приобрел дискурс педагогов. Но тогда он отчасти соответствовал требованиям, выдвигаемым крестьянскими общинами или рабочими коллективами. В 1917 году, напротив, педагогике свобод особенно не хватало точек опоры. Как понять разрыв и эволюцию между двумя революционными моментами? Конечно, необходимо учитывать многочисленные факторы, внешние по отношению к либеральной правовой культуре, начиная с тех, что усиливали классовый язык: эволюция рабочего движения, расколотого, однако радикализованного во время войны, или конфронтация по аграрному вопросу. Стратегия политических партий, придерживавшихся либеральной традиции, а также их тактический выбор, несомненно, являются еще одним фактором, который следует принимать во внимание³⁶. Однако мы остановимся на внутренних факторах либеральной правовой культуры. Как она развивалась после первого опыта педагогики свобод, датируемого 1905–1906 гг.?

Свободы и право: проблема просвещения

Самым известным источником информации о положении либеральной правовой культуры в России после 1905 года является статья юриста Богдана Александровича Кистяковского «В защиту права (интеллигенция и правосознание)», опубликованная в знаменитом сборнике «Вехи» (1909)³⁷. Комментаторы часто рассматривают этот текст как важнейшее свидетельство слабости либеральной правовой культуры в России, хотя Кистяковский не защищает в нем права собственности, что отмечает Ричард Вортман³⁸. Статья Кистяковского представляет собой обвинение интеллигенции в неуважении и пренебрежении, которые она проявляет по отношению к праву как ценности и своду правил, обязательных для каждого члена общества. Кистяковский отстаивает в своей статье индивидуальные свободы, за которые он боролся и политически, вместе с тем выступая за соблюдение действовавшего права империи. Он делал это с тем большей силой, что, на его взгляд, Манифест от 17 октября 1905 года признал ценность «гражданской

³⁵ Однако не отношение к праву собственности определяет особенности либеральной правовой культуры, вопреки представлениям, изложенным в следующей работе: Pipes R. Property and Freedom. – Londres : Harvill Press, 1999. О различиях между политическим либерализмом и экономическим либерализмом см.: Jaume L. La liberté et la loi: les origines philosophiques du libéralisme. – P. : Fayard, 2000. Например, о защите права собственности, не связанной с либеральной правовой культурой, в русской истории см.: Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 29, 41–45, 230.

³⁶ См.: Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М. : РОССПЭН, 2003.

³⁷ Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. – М. : Новости, 1990. [1-е изд.: 1909]. – С. 101–130.

³⁸ Wortman R. Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // Crisp O., Edmondson L. (eds.). Civil Rights in Imperial Russia. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – P. 13.

свободы», а Основные законы 1906 года заложили фундамент конституционного строя. Добиваться постепенного признания субъективных прав, в которые он верил, следовало, по мнению Кистяковского, легальным путем в соответствии с позитивным правом при всех его недостатках. Он полагал, что интеллигенция, в свою очередь, не была знакома ни с имперским правом, которое она считала своим долгом ненавидеть, как и создавший его деспотизм, ни с идеей формальных свобод, презираемой интеллигенцией во имя реализма.

Обвинения Кистяковского основаны на спорных категориях, какими они были уже в то время, а не только с исторической точки зрения³⁹. Что это за «интеллигенция», о которой он писал, подобно другим авторам «Вех», тем не менее дистанцируясь от них во многих отношениях, кроме всего прочего потому, что продолжал рассматривать социализм как заветную цель?⁴⁰ В его статье интеллигенция характеризовалась преимущественно путем указания на ее оппозиционность политическому режиму, будь то революционную, как народники или социал-демократы, или более умеренную по примеру кадетов, также критикуемых им. Однако интеллигенцию отличала еще одна важная особенность, которую автор не разъяснил: то уникальное положение, которое она была призвана занимать в российском обществе. Это ключевая позиция, определяемая уровнем образования и отношением к знаниям социальной группы, рассматриваемой в качестве важного инструмента индивидуальной и коллективной эмансипации русского народа и других народов империи⁴¹. Именно по этой причине интеллигенция считалась способной оказывать определяющее влияние на остальное население и должна была служить ему примером или движущей силой. Такая воспитательная роль интеллигенции воспринималась банальностью, хотя и оспаривалась в некоторых кругах⁴². Рекомендую интеллигенции ознакомиться с действующим правом и развить свою правовую культуру, Кистяковский имеет в виду расширение воспитательных возможностей интеллигенции в российском обществе.

Для того чтобы оценить последствия этого, необходимо определить, как Кистяковский понимает «правосознание» (или «правовое сознание»). И снова перед нами менее очевидная категория, чем кажется. Связанные с ней трудности редко принимаются во внимание историками⁴³. Первоначально это понятие, вероятно, появилось в России в середине XIX века под влиянием немецкой «исторической школы права». Согласно ее основателям Фридриху Карлу фон Савиньи и Георгу Фридриху Пухте, «правовое сознание» является одной из черт, объединяющих «представителей народа» «в союз, основанный на телесном и духовном родстве», как язык или религия⁴⁴. Таким образом, «правовое сознание» зависит от «народ-

³⁹ О концепте интеллигенции и его использовании в контексте того времени см.: Kolonickij B. I. Les identités de l'intelligentsia russe et l'anti-intellectualisme, fin du XIXe - début du XXe siècle // Cahiers du Monde russe. – 2002. – 43(4). – P. 601–616.

⁴⁰ Призывая интеллигенцию «уйти в свой внутренний мир, проникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его» (Кистяковский Б. А. В защиту ... С. 130), он все-таки не разделял религиозных воззрений многих своих соавторов (см.: Neuman S. Kistiakovsky: the Struggle for National and Constitutional Rights in the Last Years of Tsarism. – Cambridge : Harvard University Press, 1998. – P. 96–99 ; Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism. – Notre Dame (Ind.) : University of Notre Dame Press, 1992 [1st ed.: 1987]. – P. 374–376, 388, 394).

⁴¹ О приверженности Кистяковского национальным правам украинского народа см.: Neuman S. Op. cit. P. 113–146.

⁴² Kolonickij B. I. Les identités ... P. 609–611.

⁴³ К тому же возникает еще одна проблема, которая связана с реактивацией данного понятия современной социологией права. Эти социологические практики сами по себе активно обсуждаются (см.: Pélisse J. A-t-on conscience du droit? Autour des Legal Consciousness Studies // Genèses. – 2005. – n° 59. – P. 114–130).

⁴⁴ Пухта Г.-Ф. Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – С. 423–510. [Печатается по изд.: Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / пер. с нем.

ного духа», определяющего формы, принимаемые правом, в первую очередь обычая. Оно развивается вне связи с какими-либо позитивными действиями, направленными на просвещение народа. Однако российские правоведы, применявшие это понятие к местным реалиям, отклонились от его первоначального понимания, хотя и сохранили живой интерес к проблеме обычного права. Судебные реформы 1860-х годов имели решающее значение, поскольку они направили дискуссию в русло обсуждения вопроса об уровне правового сознания населения, прежде всего крестьян. Взгляды российских юристов на масштабы развития и ценность обычного права, позволяющие определить этот уровень правового сознания, разделились⁴⁵. В то же время они молчаливо соглашались с тем, что правовое сознание может развиваться и обогащаться. Важнейшую роль в данном процессе правоведы, как правило, отводили судам, хотя и критиковали применяемые ими практические меры подобного «просвещения»; особенно негативно они отзывались о способности крестьянских судов выполнять эту функцию⁴⁶. В конце XIX века на основе такой общей концепции правового сознания сформировался популярный подход к повышению его уровня: распространение «юридической литературы для народа», которое опиралось бы на достижения в области ликвидации безграмотности населения.

В соответствии с этими взглядами на воспитание правового сознания рассуждал в начале XX века Кистяковский. Однако в результате обновления теоретических представлений о праве было также пересмотрено правовое содержание правового сознания. Популярность неокантианства и призывы к возрождению теорий естественного права способствовали приданию ему иного измерения, чем основной уровень уважения и понимания права. Речь шла об осознании того, что неотъемлемые права следует признать за всеми индивидами. Это осознание должно отражаться в позитивном праве через провозглашение и гарантированность осуществления свобод. Кистяковский развивал такую концепцию правового сознания вместе с другими крупными правоведом, даже если теоретические основы их воззрений иногда различались⁴⁷.

Из этой общей концепции и структуры статьи Кистяковского вытекает ряд ключевых вопросов, касающихся понимания той ситуации, в которой оказалась либеральная правовая культура после 1905 года. Во-первых, кого следует обу-

Я. Линденбратаена ; под ред. П. Л. Карасевича. Ярославль, 1872]: «Это человеческое право предполагает своим источником общее сознание. Оно становится юридическим положением потому, что последнее признается таковым общим убеждением всех тех, для которых оно имеет значение. Право есть общая воля всех членов правового общества (*Rechtsgenossen*). Все члены народа соединены этим общим юридическим сознанием как общим языком, общей религией (если она естественная) в один союз, основанный на телесном и духовном родстве, выходящий за пределы семейной жизни, возникшей вследствие разделения человечества. Сознание, пронизывающее члены народа как нечто общее, прирожденное им и делающее их духовно членами этого народа, одним словом, народный дух, есть источник человеческого, или естественного, права, юридических убеждений, действующих в отдельных членах. Следствием этого возникновения является различие прав по народам; особенность юридических воззрений, так же как и язык, принадлежит к характерным признакам различной национальности. Как общность права есть одна из духовных связей, поддерживающих народ, так и своеобразное развитие юридического сознания образует один из элементов, отличающих один народ от других [...]» (с. 441–442).

⁴⁵ См.: Frierson C. A. *Peasant Icons : Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia*. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – P. 64–69.

⁴⁶ Об этих возражениях см.: Frierson C. A. *Rural Justice in Public Opinion: the Volost' Court Debate, 1861–1912 // Slavonic and East European review*. – 1986. – 64 (4). – P. 526–545 ; Gaudin C. *Tri-bunaux paysans en Russie, 1889–1914 // Histoire sociale / Social History*. – 1997. – 30 (59). – P. 109–126.

⁴⁷ Об ином подходе см.: Новгородцев П. И. *Введение в философию права: кризис современного правосознания*. – СПб. : Лань 2000. [1-е изд.: 1909], особенно с. 11–13. Концепция Новгородцева в сравнении с концепцией Кистяковского подробно рассматривается в следующей работе: Walicki A. *op. cit.* P. 291–341.

чать? На что должно быть направлено образование, развивающее правовое сознание? В зависимости от этого, кто лучше всего подходит для проведения такой образовательной деятельности и какие формы она должна принимать? Сначала мы рассмотрим ответы, которые Кистяковский давал в 1909 году на первые два вопроса, и сопоставим их с опытом 1905–1906 гг. Это сопоставление позволит понять, как зарождается кризис либеральной правовой культуры. Далее мы попытаемся показать, что предложенный Кистяковским ответ на третий и последний вопрос не позволил преодолеть указанный кризис в период между 1905 и 1917 годами.

Как уже отмечено выше, правовое сознание интеллигенции, по мнению Кистяковского, было развито недостаточно, и проблема требовала решения. Новым было то, что интеллигенцию, а не народ, следовало воспитывать в первую очередь. Чтобы восполнить пробелы в правовом сознании – вот ответ на второй вопрос – просветительская деятельность должна была учитывать как значимость личных свобод, так и уважение к действующему праву, юридическим формам и процедурам. Мнения историков о справедливости обвинения, выдвинутого Кистяковским против интеллигенции, разделяются. Целое историографическое течение обосновало свою точку зрения, клеймя «ложный» либерализм большинства кадетов, истинных радикалов⁴⁸. Недавно другие историки стремились оценить адекватность суждения Кистяковского, интересуясь тем местом, которое отводилось праву в общественных дебатах в России начала XX века⁴⁹. Отсюда вытекает картина того положения, в котором находилась правовая культура, и она значительно отличается от ее негативного обзора, предложенного Кистяковским. Изученный Уильямом Вагнером случай дебатов по вопросу о брачном законодательстве и семейном праве свидетельствует о том, что существовало пространство для обсуждения юридических проблем, и правовые культуры – официальная и либеральная – частично сближались для обеспечения развития права с учетом социальных изменений.

Однако в статье Кистяковского, посвященной проблематике обучения свободам, обнаруживается и другое предубеждение. Разумеется, следует учитывать полемические намерения авторов сборника «Вехи». Кистяковский упрекал политические партии, созданные около 1905 года, в том, что они не умели содействовать осуществлению свобод и в своей организационной практике не делали выводов из принципов свободы. Но деятельность в форме педагогики свобод в те годы совершенно не привлекала его внимания. Эта педагогика, конечно, не представляла собой организованного движения, она растворялась в массе политической литературы, и ее аудитория оставалась ограниченной. По крайней мере, в глазах Кистяковского она могла заслужить право на существование, так как соответствовала некоторым его ожиданиям. Кроме того, он сам внес вклад в ее развитие, написав с января 1905-го по июнь 1907 года для периодических изданий ряд статей о личных правах, народном представительстве, а также по другим вопросам публичного права⁵⁰. Он не был единственным крупным юристом и ученым, направившим свои усилия на просвещение населения России посредством написания статей или брошюр. Так, выдающийся юрист, социолог и историк Максим Максимович Ко-

⁴⁸ См., напр.: Schapiro L. *The Vekhi Group and the Mystique of Revolution* [1955] // Schapiro L. *Russian Studies*. – NY : Viking, 1987. – P. 68–92.

⁴⁹ См.: Wagner W. *Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia* // Solomon P. H. Jr. (ed.). *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order*. – Armonk (NY) : M. E. Sharpe, 1997. – P. 21–26, 35.

⁵⁰ Библиографию работ Кистяковского см.: Neuman S. *Op. cit.* P. 29–31, 193–194. В частности, еще в январе 1905 года он написал статью о «правах человека и гражданина» для журнала «Вопросы жизни», таким образом предвосхитив наиболее интенсивный период педагогики свобод, который начинается после обнародования октябрьского Манифеста (см.: Кистяковский Б. А. *Права человека и гражданина* // *Вопросы жизни*. – 1905. – № 1. – С. 116–142).

валевский по возвращении в Россию в 1905 году опубликовал несколько брошюр, посвященных непосредственно свободам и некоторым институциональным вопросам⁵¹. Статистик Евгений Никитич Тарновский, занимавший официальные должности, поскольку возглавлял статистическое отделение Министерства юстиции, издал в 1906 году брошюру «Четыре свободы»⁵². Доступ к работам этих политически умеренных ученых был ограничен. Но они дополняли усилия других авторов брошюр о свободах, придерживавшихся того же направления, несмотря на их политические и стилистические разногласия.

Обходя молчанием все эти инициативы в своей статье, написанной для «Вех», и нападая на интеллигенцию, Кистяковский избегал определения дилеммы либеральной правовой культуры. Действительно, либеральная концепция правового сознания в качестве шкалы измерений одновременно значения, приписываемого свободам, и уважения к позитивному праву таила в себе напряжение, выявленное последовательностью, сформировавшейся до 1905 года и в период революции. Кистяковский осуждал повторяющиеся призывы интеллигенции к созданию нового права. Следует признать, что в 1905–1906 гг. педагогика свобод как раз настаивала на необходимости реформирования российского законодательства с целью закрепления в нем личных прав и вместе с тем формирования правового сознания российского народа. При тех обстоятельствах такие задачи не могли быть решены без критики официальной правовой культуры, которая до тех пор оставалась глуха к требованию провозглашения свобод.

Именно так либеральная правовая культура утверждалась в империи до 1905 года. Либеральные авторы критиковали литературу по популяризации имперского права, преследовавшую с конца 1880-х гг. цель распространения юридических знаний среди населения. Например, юрист и публицист Иосиф Владимирович Гессен в 1901 году резко критиковал эту литературу, так как ее авторы пропагандировали официальную правовую культуру без анализа существа права и взаимосвязи между «действующим» правом и «правами» индивидов⁵³. В то время Гессен призывал к развитию другой популярной юридической литературы, которая должна была распространять принципы либеральной правовой культуры: значимость права, уважение законности, признание свобод. Поэтому развитие педагогики свобод в 1905 году можно понимать как стихийное осуществление указанной программы и переход от одного вида популяризации права к другому в благоприятном политическом контексте⁵⁴.

Но если сейчас вернуться к первому из поставленных выше вопросов – кого воспитывать? – то ответ на него, данный педагогикой свобод в 1905–1906 гг., не вполне ясен, вопреки намерениям авторов и издателей. На самом деле, они выдвигали весьма стандартные аргументы в пользу продвижения своих брошюр: «общедоступные», «общепонятные», «популярные». Такие повторяющиеся характеристики не дают представления о том, кто действительно мог прочитать эти

⁵¹ Ковалевский М. М. Русская конституция. I : Свободы. – 2-е изд. – СПб., 1906 (Политическая библиотека «Биржевых ведомостей»). 48 с. ; *Его же*. Учение о личных правах. – М. : Издание В. М. Саблина, 1906 (серия «Политическая библиотека»). – 42 с. (переиздание статьи, опубликованной в 1905 году в «Русской мысли») (см.: Чильяни Дж. (Giovanna Cigliano). Позитивистская ученость, педагогические устремления и либеральная политика в работах М. М. Ковалевского (первое десятилетие XX века) // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е – начало 1920-х годов. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – С. 379–401).

⁵² Тарновский Е. Н. Четыре свободы. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1906 (серия «Библиотека самообразования»). – 77 с.

⁵³ Гессен И. В. Юридическая литература для народа // Право. – 1901. – № 47. – С. 2035–2049; № 48. С. 2089–2101; № 49. С. 2164–2173.

⁵⁴ Тисье М. Какое юридическое просвещение нужно в России? Переход от популяризации права к популяризации гражданских прав // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 6 (44). – С. 57–63.

брошюры. В большинстве своем они оставались доступными только хорошо образованным читателям. Одного освоения грамоты было недостаточно, чтобы прочитать или заставить себя прочитать их и при этом что-то понять. У авторов редко возникало желание адаптировать свой язык к уровню теоретически предполагаемого народного читателя, или такая адаптация была неумелой. В ряде случаев народный читатель этих брошюр существовал только в воображении их авторов⁵⁵.

Поэтому на практике педагогика свобод уже решила вопрос о своем круге читателей, отдавая предпочтение не народу, а той аудитории, которая напоминала интеллигенцию, обратившую на себя внимание Кистяковского. Тем не менее эта категория остается обманчивой. Всего лишь на основании нескольких брошюр можно составить довольно точное представление об их потенциальной читательской аудитории, потому что авторы и издатели сознательно занимали определенную нишу. Так обстояли дела с учителями, которых педагог Дмитрий Иванович Тихомиров, выпускавший журнал «Педагогический листок», хорошо знал еще до 1905 года. Он издавал для них брошюры, посвященные свободам и институциональным вопросам⁵⁶. Однако следует отметить, что многие учителя даже не имели свободного доступа к средствам информации и специальной литературе для самообразования⁵⁷.

Из сопоставления утверждений Кистяковского 1909 года с тем, что можно реконструировать на основании опыта 1905–1906 гг. и более раннего периода, сделаем следующие выводы. Во-первых, идея необходимости активизации просветительской работы, нацеленной на повышение уровня правового сознания членов российского общества, получила широкое и давнее признание. Во-вторых, способ достижения этой цели, принятый в 1905–1906 гг., а именно педагогика свобод, способствовал релятивизации уважения к имперскому позитивному праву, поскольку оно еще не было в состоянии гарантировать свободы. Если Кистяковский в 1909 году отмечал отсутствие уважения к действующему праву, то он избегал упоминания о неустрашимом напряжении в самом сердце защищаемой им либеральной правовой культуры, проявившемся в его собственной концепции «правового сознания».

Метод профессионализации и метод популяризации

Леонард Шапиро, следуя за авторами «Вех», полагал, что российская либеральная правовая культура должна была для того, чтобы стать по-настоящему либеральной, после 1905 года принять только одно направление. Кадетам, поскольку речь идет о них, следовало признать, что настало время решить вопрос о соблюдении законности и имперского права, обновленного Манифестом от 17 октября и Основными законами⁵⁸. Этот подход вытекал из заявлений Кистяковского в защиту права. Таков политический курс, которого надо было придерживаться. Однако проблема, поставленная Кистяковским, носила не только политический характер, даже если историки до сих пор интересуются, прежде всего, данным аспектом⁵⁹. Эта проблема носила также образовательный характер.

⁵⁵ Ан-ский С. А. Литература интеллигенции для народа // Ан-ский С. А. Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя. – М. : Универсальное книгоизд-во Л. А. Столяр, 1913. – С. 34–38.

⁵⁶ О брошюрах Н. П. Дружинина см. выше.

⁵⁷ Seregny S. J. Professional Activism and Association among Russian Teachers, 1864–1905 // Balzer H. D. (ed.). Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History. – Armonk (NY): M. E. Sharpe, 1996. – P. 176.

⁵⁸ Shapiro L. Op. cit. P. 89–90; см. также: Walicki A. Op. cit. P. 391–392.

⁵⁹ Что вполне объяснимо, если принять во внимание историческое исследование русского «либерализма» в контексте споров об «ответственности» всех сторон за катастрофу Октябрьской революции 1917 года.

С этой точки зрения, суждения, высказанные Кистяковским в статье 1909 года, оказываются недвусмысленными, хотя впоследствии он уточнил их⁶⁰. По его мнению, роль воспитателей следовало играть профессиональным юристам, в первую очередь адвокатам (присяжным поверенным)⁶¹. В 1909 году его отношение к адвокатам было крайне негативным. Он упрекал их в том, что они приняли образ интеллигенции, озабоченной исключительно политикой, а не защитой права⁶². Поэтому воспитателям правового сознания российского общества, в роли которых должны были выступить адвокаты, следовало начать просветительскую деятельность с себя⁶³. В более общем плане требовалось тщательно изучить и улучшить условия подготовки, найма и работы адвокатов, а также других юристов. Так, просвещение в сфере права преследовало, прежде всего, цель повышения квалификации членов профессионального сообщества. Отсюда естественно вытекало правовое просвещение всего населения. Таким же образом пространство, в котором должна была осуществляться просветительская деятельность, представляло собой места, предназначенные для работы и размышлений профессионалов: в первую очередь суды, а также общества юристов⁶⁴, научные и практические юридические журналы⁶⁵, университеты и специализированные учебные заведения. К ним добавлялись те места, где профессиональные юристы взаимодействовали с населением и оказывали ему услуги.

Настаивать на выборе такого пути профессионализации после 1905–1906 гг. было не особенно оригинально. Те, кто упрекали интеллигенцию в том, что она все обуславливает политикой, и рассматривали поражение революции как признак банкротства данной тенденции, формировали тогда новое поколение⁶⁶. Оно заменило считавшееся бесполезным политическое участие деятельностью, которую хотело видеть конкретной, практической и модернизирующей.

Однако такой подход столкнулся с многочисленными трудностями. Следует принимать во внимание сохранение уголовной ответственности за деяния, рассматривавшиеся противниками режима в качестве политических; ее дополняли административные и военные репрессивные меры. Указанные обстоятельства су-

⁶⁰ Кистяковский Б. А. Наши задачи // Юридический вестник. – 1913. – Кн. 1. – С. 3–17.

⁶¹ Библиография работ об адвокатах империи тем более важна, что уже в то время эта корпорация и ее самые видные члены уделяли первостепенное внимание тому, чтобы как можно подробнее рассказать о своей истории и деятельности. Позднейшие исторические исследования на эту тему: Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. – NY : Frederick A. Praeger, 1953 ; Huskey E. Russian Lawyers and the Soviet State: the Origins and Development of the Soviet Bar, 1917–1939. – Princeton : Princeton University Press, 1986. – P. 11–33 ; Baberowski J. Autokratie und Justiz: zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. – Frankfurt am Main : Klostermann, 1996. – P. 481–614.

⁶² Кистяковский Б. А. В защиту ... С. 129.

⁶³ По вопросу о дисциплине среди московских адвокатов см.: Burbank J. Discipline and Punish in the Moscow Bar Association // Russian review. – 1995. – 54 (1). – P. 44–64. Кистяковский настаивал на необходимости дисциплинировать человека посредством права (Кистяковский Б. А. В защиту ... С. 108), и это требование относилось в первую очередь к юристам.

⁶⁴ Об этих обществах как месте сбора разного рода «профессиональных юристов» см.: Levin-Stankevitch B. L. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Balzer (ed.). Russia's Missing Middle Class. – P. 241–242. После публикации настоящей статьи ее автор опубликовал следующие работы, посвященные юридическим обществам в Российской империи: Tissier M. Les sociétés juridiques dans l'Empire russe au tournant du XXe siècle: professionnalisation des juristes et culture juridique // Cahiers du Monde russe. – 2010. – Vol. 51, No 1. – P. 5–34; Тиссье М. Высококатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX – начале XX в. // Науки о человеке: история дисциплин / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 207–239. – Прим. пер.

⁶⁵ О личном участии Кистяковского в возрождении Московского юридического общества, а также журнала «Юридический вестник», издаваемого им с 1912–1913 гг., см.: Neuman S. Op. cit. P. 32.

⁶⁶ Герасимов И. В. Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука. С. 282.

щественно подавляли надежды Кистьяковского как защитника свобод на деполитизацию права в российском обществе. Прежде всего, сама организация судебной системы препятствовала усилению роли профессиональных юристов, в первую очередь адвокатов, поскольку обособленное крестьянское правосудие обходилось без их услуг. Либеральные юристы ставили себе целью унифицировать эту систему в той части, в какой она, по их мнению, увековечивала неравенство подданных перед законом. Они полагали, что отношение крестьян к такой юстиции не соответствует каким-либо правовым принципам⁶⁷. Эти различные факторы ограничивали амбиции сторонников использования профессиональных средств укрепления либеральной правовой культуры. Последние демонстрировали свое уважение к позитивному праву, но действовавшее право не способствовало оказанию ими влияния на функционирование судебной системы. Поэтому их проект мог осуществиться только в средне- или долгосрочной перспективе, а его вклад в юридическое образование населения выглядел неопределенным.

Кроме того, впечатляющее развитие высшего образования после 1905 года было гораздо менее благоприятным для права, чем для других крупных дисциплин. Это развитие имело два основных источника. С одной стороны, правительство открывало все больше учебных заведений с техническими специальностями, отчасти для того, чтобы удовлетворить возрастающие потребности многих отраслей в профессионалах. С другой стороны, частные и общественные инициативы способствовали развитию системы высшего образования, открытого для публики, доступ которой в императорские университеты⁶⁸ был невозможен или ограничен квотами, как в случае женщин или приверженцев нехристианских конфессий, т. е., прежде всего, евреев. Однако эти независимые учреждения оставались под наблюдением властей. По большей части они не составляли конкуренции императорским учебным заведениям, как известный университет, основанный Шанявским в Москве⁶⁹. Главное отличие: их выпускники не могли претендовать на занятие административных должностей. В случае правоведения такая разница оказывалась существенной. Конечно, профессиональные юристы высокого уровня, придерживавшиеся либеральных взглядов, стремились преподавать в подобных учебных заведениях⁷⁰, но те, кто собирались получить высшее образование, выбирая юриспруденцию, в первую очередь принимали во внимание профессиональные перспективы. Тогда как основные возможности трудоустройства в юридической сфере предлагала гражданская служба и адвокатура. Для женщин и евреев доступ к ним оставался запрещенным или ограниченным. Поэтому продолжение обучения в таких учебных заведениях выбирали не многие⁷¹. Во всяком случае, их выбор был оторван от модели профессионализации, пропагандируемой самими либеральными юристами.

Что же произошло после поражения революции 1905 года с другим просветительским подходом – популяризацией, которой Кистьяковский, по всей видимости,

⁶⁷ Frierson C. A. Rural Justice ... ; о защите данной юстиции вопреки воззрениям российских элит, подтверждаемым историографией, см.: Burbank J. Russian Peasants ... P. 245–271.

⁶⁸ Равно как и доступ к некоторым специализированным учебным заведениям, например Демидовскому юридическому лицезу в Ярославле, или к элитным, например Александровскому лицезу или Императорскому училищу правоведения.

⁶⁹ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. – М. : Искусство, 1997. [1-е изд. 1929]. – С. 322–338.

⁷⁰ См.: Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – P. 189–215.

⁷¹ О разнице в численности студентов юридических факультетов между императорскими и частными или ассоциативными учебными заведениями с 1898-го по 1916 г. (особенно после 1905 года) см.: Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М. : Институт истории СССР АН СССР, 1991. – С. 318–320 (статистические таблицы).

пренебрегал в 1909 году? Речь идет об оценке возможных усилий по расширению юридического образования в стране, выходящего за рамки профессиональных кругов, или, в случае студентов, ориентированного на обеспечение вхождения в профессию. Не следует думать, что тенденция к профессионализации исключала дальнейшие усилия по популяризации права. Напротив, складывалось впечатление, что такие возможности существовали в силу законодательных реформ 1905–1907 гг. и преобразований официальной правовой культуры того времени. С одной стороны, в средних учебных заведениях, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, с 1905/06 учебного года произошли существенные изменения, в результате которых обучение «законоведению», прежде всего в классических мужских гимназиях, было восстановлено⁷².

В следующем году указанная мера распространилась на «реальные училища». Действительно, обучающиеся в них лица получили возможность, главным образом, поступать в императорские университеты и становиться профессионалами даже в других областях, помимо права. Так, теоретически это положение могло способствовать укреплению пути профессионализации. Однако оно прежде всего было нацелено на распространение официальной правовой культуры среди более широкой аудитории.

Официальными инструкциями четко определялись границы обучения, которое должно было в первую очередь дать знания о действующем в империи законодательстве. Вопросы истории и философии права, равно как и обзор правовых систем других стран Европы, не входили в программу. Также тщательно проверялись учебники, издаваемые независимыми издателями в качестве материалов по соответствующим курсам⁷³. В 1908 году весьма консервативные деятели пожаловались в администрацию на содержание нескольких учебников, допущенных к использованию ученым комитетом Министерства народного просвещения⁷⁴. Такие условия противоречили основному требованию направления профессионализации, которое отстаивал Кистяковский: свободе и автономии профессиональных юристов в их внутренних дебатах, что не шло вразрез с их приверженностью соблюдению закона. Кроме того, «популяризаторские» варианты этих программ едва ли служили делу развития либеральной правовой культуры⁷⁵.

Какие оставались возможности для систематической неофициальной правовой популяризации среди населения, после 1905 года, вне этих рамок? Данная

⁷² Такое преподавание осуществлялось в классических средних школах с 1849-го по 1864 г. в обязательном порядке, а затем в факультативном порядке до 1871 года, когда оно было упразднено. Однако на рубеже XX века «законоведение» оставалось в учебных планах двух типов средних школ, не находившихся в ведении Министерства народного просвещения: ряда учебных заведений, подчиненных Военному министерству (в частности, старших классов кадетских корпусов), и некоторых коммерческих учебных заведений, которые в 1896 году были реорганизованы и переданы в ведение Министерства финансов (см.: Вальденберг В. Е. О преподавании законоведения в средних учебных заведениях // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – № 11. – Отд. IV. – С. 18–43; Чижов Н. О преподавании законоведения в средних учебных заведениях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. – 1906. – № 10. – Отд. IV. – С. 59–75; Сеницкий Е. Преподавание законоведения и развитие правосознания // Вестник воспитания. – 1909. – № 7. – Отд. I. – С. 153–199).

⁷³ Одним из первых был опубликован следующий учебник: Томашевич В. А. Учебник законоведения для гимназий и реальных училищ. Курс VII класса гимназий. – СПб., 1905.

⁷⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Главное управление по делам печати, 9, 1-е отделение. Д. 1672. Л. 1, 3, 5–7, 12–14: имеются в виду несколько учебников, в том числе того же В. А. Томашевича, для учащихся военных училищ, еще один – для учащихся классических и современных средних школ и последний – для коммерческих училищ. Авторы продолжали вносить изменения в позднейшие издания своих учебников.

⁷⁵ Чтобы составить об этом верное представление, следует учитывать не только содержание учебников, но и институциональную, материальную и кадровую основы уроков «законоведения» в учебных заведениях того времени.

сфера могла казаться перспективной, поскольку популяризация науки и техники переживала период расцвета. Тем не менее правовые вопросы, очевидно, считались политически слишком чувствительными для того, чтобы стать предметом систематической популяризации знаний. Действительно, с одной стороны, правительство стремилось уничтожить следы педагогики свобод. Авторы или издатели брошюр о свободах и по другим институциональным вопросам привлекались к ответственности даже спустя годы после того, как инкриминируемые им публикации увидели свет. Примером служит история брошюры, изданной комиссией по законоведению учебного отдела Общества распространения технических знаний (ОРТЗ), которое располагалось в Москве. Ее автором был адвокат Л. И. Гальберштадт. Брошюра называлась «Неприкосновенность личности и жилища», и автор, пытаясь сделать ее доступной для малообразованных читателей, опирался на описание крестьянского быта. Она выдержала два издания: первое в 1905 году, второе – в 1906-м⁷⁶. В 1910 году органы цензуры в Москве возбудили уголовное дело против издателя и автора. В 1912 году Московский апелляционный суд окончательно постановил уничтожить все изъятые экземпляры⁷⁷. Данная брошюра не относилась к партийной политической пропаганде, однако ее содержание не могло понравиться властям. В 1905–1906 гг. комиссия по законоведению учебного отдела ОРТЗ планировала издать еще около пятидесяти брошюр на политико-правовые темы, которые иллюстрировали бы либеральную правовую культуру. В итоге опубликовали только две.

С другой стороны, многочисленные популяризаторские инициативы того времени также довольно часто игнорировали имперское позитивное право. Учебный отдел ОРТЗ насчитывал в своих рядах несколько видных юристов⁷⁸. В 1907–1910 гг. в работе самой важной Комиссии по организации домашнего чтения принимал участие Кистяковский. Непосредственной целью комиссии было содействие распространению научно-технических публикаций среди населения Москвы. Деятельность Кистяковского свидетельствует о том, что и после 1905–1906 гг. он не утратил веру в педагогическую работу с населением⁷⁹. Но отсутствие намека на этот вид работы в его статье 1909 года, а также акцент на роли профессиональных юристов вполне могли быть обусловлены позднейшим разочарованием Кистяковского в такой работе из-за ее слабых результатов. В той же Московской области гораздо меньшее объединение – Богородское общество распространения среднего образования – регулярно проводило для взрослых лекции, которые носили весьма общий характер. В период с 1909-го по 1914 год среди приглашенных лекторов было очень мало юристов. На лекциях, требующих одобрения местных властей, предпочтение отдавалось естественным наукам, физике и даже истории⁸⁰.

На самом деле реально перспективными были только официальная или полуофициальная популяризация действующего законодательства. Для их осуществления предоставлялись различные возможности, в первую очередь аграрная реформа Столыпина, начавшаяся в 1906 г. Внесение изменений в законодательство касалось крестьян, подчеркивая значение индивидуальной инициативы и выражая концепцию свободы как фактора экономического развития. Успех реформы в значительной степени зависел от того, насколько эффективно администрация могла мобилизовать все необходимые ресурсы для ознакомления населения с новыми

⁷⁶ Гальберштадт Л. И. Неприкосновенность личности и жилища. – 2-е изд. – М., 1906. – 55 с.

⁷⁷ РГИА. Ф. 776. 16. 2, 2-е отделение. Д. 1273. Л. 1–6.

⁷⁸ См. список его членов на 1 января 1908 года: Отчет о деятельности учебного отдела ОРТЗ за 1906 и 1907 гг. – М. : И. Д. Сытин, 1908. – С. 106–112.

⁷⁹ Neuman S. Op. cit. P. 30–31, 163.

⁸⁰ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 1589. Богородское общество распространения среднего образования, 1. Д. 2. Протоколы заседаний лекционной комиссии общества за 1909–1914 гг. Л. 1–36.

положениями⁸¹. Кроме того, желание популяризировать полезные правовые понятия могло также основываться на росте числа просветительских публикаций по агрономии или экономике сельского хозяйства. Периодические публикации, предназначенные для крестьян, как официальные, так и неофициальные⁸², содержали рубрики юридических консультаций, которые пользовались несомненным успехом.

Однако этого оказалось недостаточно для подлинного обновления популяризации позитивного права. Если до 1905 года подобная литература представляла собой второстепенный, но развивающийся жанр, то после 1907 года она, в лучшем случае, выживала. Правовая информация, представленная в периодической печати, не была незначительной или неважной, поскольку она отвечала запросам читателей. Но она занимала определенное место в потоке информации и изображений на тему права и правосудия, отличавших периодическую прессу того времени, где преобладали отчеты о проведенных уголовных процессах и детективные рассказы⁸³. Напротив, начинания по популяризации позитивного права до 1905 года часто имели обобщающую и систематическую перспективу. Такие же амбиции были присущи педагогике свобод в 1905–1906 гг.⁸⁴ Только 1917 год, как представляется, реабилитировал популяризаторские усилия сторонников либеральной правовой культуры, однако второй эксперимент по педагогике свобод не смог сравниться с 1905 годом.

Заключение

Либеральная правовая культура в своем просветительском тропизме, обострившемся в России, охватывала две тенденции, каждая из которых настаивала на приоритете одного элемента над другим: обучение свободам или обучение праву. Такое различие препятствует исключению той или иной тенденции из либеральной правовой культуры, не являющейся, кроме того, собственностью одних «либералов» в сфере политической борьбы – по сути, очертания либерализма, как из-

⁸¹ О трудностях, связанных с осуществлением этой реформы на местах, см.: Pallot J. *Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – P. 126–155.

⁸² О «Сельском вестнике», где юридические советы публиковались задолго до 1905–1906 гг., см.: Krukones J. H. *To the People: the Russian Government and the Newspaper Sel'skii vestnik («Village Herald»)*, 1881–1917. – NY : Garland, 1987. – P. 79–80, 258 ; Gaudin C. *Op. cit.* P. 115. О периодических изданиях, появившихся с реформой 1906 года, таких как «Хутор» или «Хуторянин», см.: Frank S. P. *Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and its Enemies in Fin-de-Siècle Russia* // Frank S. P., Steinberg M. D. (ed.). *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – P. 104.

⁸³ Изгоев А. С. *Воспитание демократии* // Русская мысль. – 1909. – № 7. – Отд. II. – С. 202–208 ; Brooks J. *Op. cit.* P. 207–213, 333 ; Neuberger J. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. – Berkeley : University of California Press, 1993. – P. 25–70.

⁸⁴ Библиограф и популяризатор науки Н. А. Рубакин, ветеран «педагогике свобод» 1905–1906 гг., обратился в 1913 году с открытым письмом в юридический журнал «Право», изложив в нем свою дружескую просьбу к либеральным юристам. По его мнению, на российском книжном рынке только они были способны написать «необходимую и еще не существующую книгу, [которую. – прим. пер.] по типу и содержанию, какое здесь проектируется, можно бы назвать “Общедоступным практическим руководством для использования и защиты своих гражданских и политических прав”». Рубакин явно признавал успехи, достигнутые в сфере осуществления свобод с 1905 г. Но он сетовал на незнание населением своих прав, что позволяло властям их нарушать. Рубакин хотел исправить такое положение дел путем издания систематического, одновременно энциклопедического и практического, труда, доступного как «народному», так и образованному читателю-неспециалисту. Эта инициатива иллюстрирует замечательное стремление переосмыслить популяризацию имперского позитивного права, примирившуюся с педагогикой свобод, чтобы, опираясь на одно, можно было развивать другое. Однако такая оригинальная идея не получила ни развития, ни поддержки (см.: Рубакин Н. А. *Об одной необходимой книге (открытое письмо в редакцию журнала «Право»)* // Право. – 1913. – № 33. – С. 1924–1926).

вестно, широко обсуждались. Либеральная правовая культура характеризуется именно напряжением между этими двумя задачами. Это напряжение подразумевает другое – между политизацией и нейтрализацией правовой культуры. Тот факт, что в либеральной правовой культуре существует тенденция к политизации, сам по себе не оправдывает дисквалификацию сторонников политизации в пользу ее противников: со временем они могут менять свои позиции. Конечно, оценка актуальности этих разногласий позволяет некоторым историкам определять, кто был либералом, а кто нет. Но такой подход вряд ли принимает во внимание то, что составляет ядро либеральной правовой культуры, – в России или за ее пределами.

Возможно, результаты проекта деполитизации правовой культуры после 1905–1906 гг. оказались неожиданными для его сторонников. Акцент на роли профессиональных юристов нашел определенный отклик. Вот только идея не заключалась в том, чтобы релятивизировать универсальную ценность права или даже свобод. Однако отход от популяризации в пользу профессионализации способствовал разрозненности среди населения. Это привело помимо прочего, пусть даже и непреднамеренно, к поощрению партикуляризма и укрепило ту тенденцию, с которой сторонники профессионализации намеревались бороться. Пожалуй, она стала препятствием для «либеральных» политических партий в 1917 году – очевидно, не единственным! Если предположить, что путь профессионализации мог оказаться эффективным, учитывая разрыв между педагогическими намерениями и используемыми средствами, то педагогика свобод, возродившаяся в 1917 году, выглядела устаревшей, отжившей свой срок по сравнению с языком революции, который подчеркивал различия между классами, «буржуазными профессиями», такими как адвокаты и профессора, и пролетариатом. Дискурс универсальной ценности права и универсальной ценности свобод был еще менее слышен в 1917 году, чем в 1905-м. Но впереди дидактизм ожидал свой зловещий расцвет.

Michel Tissier,

a specialist in Modern History, Associate Prof. at the University of Rennes 2 (France)

The Crisis of Liberal Legal Culture in Russia after 1905:

'The Pedagogy of Freedoms' and Legal Literacy

Mass political literature was born in Russia during the 1905 Revolution. Individual freedoms and their place in the law were one of its important topics. The booklets that dealt with this subject amounted to some sort of pedagogy of freedoms. This pedagogy shows the vitality of the liberal legal culture of the time, which centered on the universal value of individual rights, as well as on the primacy of the law. In 1917, this pedagogy of freedoms was used again, almost unchanged, but it was overwhelmed by other, more specifically targeted discourses, sinking the universal stance. This gap between the two streams of literature in 1917 is due to a problem that affected the liberal juridical culture after the 1905 Revolution. There was an inconsistency between the teaching of freedoms, on the one hand, and of the law on the other hand. This tension is underlined by B. Kistiakovskii's contribution to the 1909 Vekhi collection, even if he was unwilling to own such a discrepancy in the liberal pedagogical project. Kistiakovskii did suggest strengthening the said project by reinforcing the influence of professional lawyers. However, this solution encountered many obstacles, and the method of popularization, heretofore the most typical way of meeting the Russian elite's demand of legal culture, was almost entirely abandoned by the liberals. This allows us to understand why the pedagogy of freedoms in 1917 was nothing but a sterile repetition of an outdated discourse.

Keywords: legal culture; legal consciousness; popularizing; liberalism; freedoms; political party; booklet; revolution.